

ЛЮБА ШИРОКОВА

БЫВШИЙ МУЖ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ПОСКОЛКАМ *прошлых
ошибок*

18+

Лия Широкова

БЫВШИЙ муж. По осколкам прошлых ошибок

<https://litres.ru/74089901>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Если тест ДНК подтвердит, что это мой ребенок, Лера, я заберу его у тебя.

— Он только мой!

Ладонь бывшего мужа с глухим стуком врезается в стену прямо над моей головой. Удар отдаётся оглушительным эхом в ушах, а вибрация, будто электрический разряд, пробегает по спине.

— Я тебя предупредил! Попробуй только снова сбежать!

— Камиль — мой голос предательски дрожит, выдавая меня с головой. И в его взгляде не остаётся больше ни капли сомнения.

— Я ради тебя пошёл против семьи! А ты? Вот так решила со мной поступить?

— Это ты изменял. Это ты предал!

Содержание

Глава 1. Лера	4
Глава 2. Лера	12
Глава 3. Лера	18
Глава 4. Лера	25
Глава 5. Лера	30
Глава 6. Лера	37
Глава 7. Лера	43
Глава 8. Лера	49
Глава 9. Камиль	57
Глава 10. Лера	68
Глава 11. Лера	75
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Бывший муж. По осколкам прошлых ошибок

Глава 1. Лера

Я вытираю руки полотенцем, висящим на ручке духовки, выключаю плиту и бегу в прихожую. На ходу поправляю волосы, убирая их за уши. Мы с мужем договорились, что сегодня он постарается прийти пораньше, чтобы провести этот вечер вдвоём. Может, даже успеем посмотреть фильм, который уже как месяц откладываем.

Бросив быстрый взгляд на отражение в зеркале, распахиваю дверь, готовясь нырнуть в объятия любимого. Но от неожиданности замираю, увидев на пороге свою лучшую подругу Тоню с каменным выражением лица.

— Привет, — произносит она сквозь зубы, будто через силу.

Тоня без приглашения протискивается между мной и дверным косяком, проходя в квартиру.

— Привет, — растерянно отвечаю я, закрывая дверь. — Что-то случилось?

Она снимает шубу, вешает ее на вешалку с таким видом, будто делает это здесь каждый день. Словно пришла к себе домой. Сапоги снимает посреди прихожей, оставляя на ла-

минате мокрые следы от снега.

— Поговорить надо, — отвечает, направляясь на кухню, не дожидаясь меня.

Тоня — всегда жизнерадостная — сейчас кажется напряженной.

Мне становится не по себе. В груди неприятно отдаёт плохое предчувствие, а ладони начинают покалывать.

Я следую за ней, замечая, как она бегло проводит ладонями по бёдрам. Затем хочет скрестить руки на груди, но одёргивает себя. Она нервничает. И это передаётся мне.

— Ужин готовишь? — кивает на кастрюлю, стоящую на плите.

— Да, — отвечаю, бросая взгляд на микроволновку, смотрю на время. — Камиль скоро должен вернуться.

Тоня подходит к окну, смотрит на падающий снег в свете фонаря. Затем резко поворачивается ко мне. Выражение её лица слишком серьёзное. Глаза, всегда смеющиеся, сейчас смотрят пристально, оценивающе, словно она видит меня впервые.

— Лер, сядь, — она кивает на стул. — Выслушай меня внимательно. И пожалуйста, постарайся меня услышать и понять. Не перебивай.

— Тонь, что случилось? — медленно опускаюсь на стул. Ладони становятся влажными. Я провожу ими по брюкам на коленях. — Ты меня пугаешь.

Она опирается бедрами о край подоконника. Красный

брючный костюм из тонкой шерсти идеально сидит на ней, подчеркивая стройную фигуру. Черные волосы уложены прядями. Макияж безупречен. Она выглядит так, будто только что вышла из салона красоты.

— Камиль тебе изменяет.

Я дёргаюсь, словно от удара. В ушах начинает шуметь. Невольно задерживаю дыхание, будто оказалась под водой и начала тонуть. Голос Тони доносится приглушенно, будто сквозь вату: — Уже давно.

В глазах появляется пелена, предметы теряют четкость очертаний.

— Что? — мой собственный голос кажется мне чужим, далеким. — Этого не может быть.

Это единственное, что получается произнести. Я никак не могу сообразить, зачем она мне это говорит. Быстро смагиваю слёзы, чтобы чётче видеть лицо подруги.

— Может, — она говорит это твердо, без колебаний, глядя мне прямо в глаза. — И не просто может. Это факт.

— Я не верю, — отчаянно мотаю головой. — Ты решила пошутить? Это очень плохая шутка, Тонь.

— Лер, какие шутки! — с раздражением выговаривает она. — Я пришла тебе сказать правду. Как подруга. Как та, которая всегда была с тобой честна.

— Он не мог со мной так поступить, — голос дрожит, я сжимаю кулаки, стараясь взять себя в руки. — Он любит меня. Мы... у нас все хорошо.

— Любит? — усмехается, кривя губы. — Ты давно в зеркало смотрелась?

Вопрос бьет точно в цель. Я непроизвольно оттягиваю футболку — старую, растянутую, удобную для домашних дел.

— А что со мной не так? — спрашиваю тихо, уже защищаясь.

Тоня делает шаг вперед. Ее взгляд скользит по мне с головы до ног, оценивающий, холодный.

— Последний раз ты выглядела хорошо, когда я тебя привела в клуб и познакомила с Камилем. Помнишь? Красное платье, каблук. Ты сияла. А сейчас... — она разводит руками, — ты выглядишь как серая мышь. Когда ты последний раз ходила к косметологу?

— У нас сейчас туго с деньгами, — оправдываюсь. — У Камилы проблемы на работе. Я мало зарабатываю.

— Проблемы на работе, — усмехается снова, проводя ладонью по дорогой ткани своего костюма. — Ты слишком наивна. Или просто не хочешь видеть очевидного. Вы сексом, последний раз, когда занимались?

«На прошлой неделе», — проносится в голове. Но я молчу. Вопрос обжигает как кипяток. Становится неловко, даже немного стыдно. Я никогда с ней не обсуждала нашу с Камилем интимную жизнь.

— Это здесь при чем?

Откидываюсь на спинку стула, скрещиваю руки на груди.

Защищаясь.

— При том, что таким мужчинам, как Камиль, надо часто и много, — ее голос снижается до интимного шепота, будто она делится каким-то сакральным знанием. — А ты посмотри на себя. За этот год в весе сколько прибавила? Килограмм пять? Шесть? Мужчины любят стройных, подтянутых, ухоженных. А у тебя скоро живот будет как у кенгуру.

Мы действительно с мужем последнее время редко стали заниматься сексом. Он много работает, приходит поздно, иногда даже может остаться ночевать в офисе. Мы сильно устаём, это нормально, что нет больше сил ни на что.

Я чувствую, как по щекам ползут горячие слезы, смахиваю их тыльной стороной ладони.

— А волосы?

— С ними что не так? — машинально касаюсь волос. Да, они действительно нуждаются в стрижке, кончики посеклись, цвет выгорел, но не всё настолько ужасно.

— Они как пакля висят, — продолжает она безжалостно. — Ногти обгрызены.

Опускаю взгляд на свои руки, разглядываю ногти. Да, есть у меня дурацкая привычка грызть ногти, когда нервничаю. Но я стараюсь их сразу приводить в порядок. Всегда ношу с собой пилочку.

— Одеваешься в какие-то мешки. Лер, мужчины любят глазами. Они выбирают лучших. Самых ярких. Самых ухоженных. Это природа.

— Это не про Камиля, — упрямо твержу я, хотя где-то в глубине уже начинает зреть червячок сомнения. — Он не такой. Он любит меня не за внешность.

— Любил, — поправляет она. — Прошедшее время. Сейчас он хочет развестись, но не может решиться на разговор. Постоянно тебя жалеет.

— С чего ты это взяла? — вскидываю взгляд на подругу, хмурясь.

— Он сам мне об этом сказал!

— Тебе?

Она не отвечает. Пристально смотрит на меня и молчит. Я пытаюсь собраться с мыслями, но в голове полный хаос. Непонимание. Неверие. Отрицание.

И наконец осознание. Медленное, холодное, ползучее.

В ее взгляде читается не сожаление, не сочувствие, а презрение. Триумф.

— С тобой, — догадываюсь я.

Тоня медленно выпрямляется, отбрасывает волосы за плечи и гордо приподнимая подбородок.

— Со мной, — подтверждает она, и в ее голосе нет ни капли раскаяния. — Мы хотели тебе раньше сказать, но он вечно тебя жалеет. Говорит, что у тебя никого нет. Что идти тебе некуда. Что ты не переживешь этого.

Я слушаю её и не верю своим ушам. В моей голове это просто не укладывается. Камилю никогда не нравилась Тоня. Его раздражало наше общение. Он всегда говорил, что

она слишком легкомысленна и ищет выгодную партию. Все сказанное Тоней сильно противоречит словам мужа.

— Мне надоело ждать, когда он решится, — повторяет она. — Я устала от этой неопределенности. От этих вечных «не сейчас», «она не готова», «дай ей время». Пора уже каждому жить своей жизнью.

«Решиться». Это слово режет слух. Оно не вяжется с тем Камилом, которого я знаю. Мой муж — человек действия. Если он что-то хочет сделать, он не будет выжидать подходящее время. Если его что-то не устраивает, он скажет об этом сразу, прямо. Так было всегда.

Или я его совсем не знаю?

Тоня бросает быстрый взгляд на наручные часы.

— Мне пора. Я надеюсь, ты не будешь устраивать ему скандалов и примешь верное решение. Не будь тряпкой.

Она уходит, а я так и остаюсь сидеть на кухне. Смотрю в одну точку. Безусловно, её слова зародили сомнения в моей голове. Но я знаю, как муж относится к ней. Возможно, это лишь показное отношение, чтобы я ничего не заподозрила. Также я видела, как она с обожанием смотрела на моего мужа. Неужели она сказала правду?

Но мне нужно это услышать от мужа. Он никогда не давал повода в нём сомневаться, и я не могу вот так взять и всё закончить.

Сколько я так просидела, не знаю. Спустя время слышу, как ключ поворачивается в замке.

Звук такой знакомый, такой родной — Камиль всегда немного с силой открывает дверь, замок заедает.

Дверь открывается.

В прихожей слышится звук падающих ключей на комод, затем — голос Камиля:

— Лер, я дома! Прости, что задержался, встретился с клиентом...

Он появляется в дверном проеме кухни, стягивая с плеч пальто. Улыбка застывает на его лице, когда он видит меня.

— Ответь мне честно на один вопрос.

— Что случилось? — он присаживается на корточки рядом со мной, так и не сняв пальто. Берёт мои ладони и сжимает их в своих холодных ладонях, отчего по телу проходит дрожь. Дрожь не от прикосновения, а от исходящего от него холода, словно от незнакомца.

— Ты хочешь со мной развестись?

— Нет, — хмурится, не понимая моего вопроса. Или делает вид, что не понимает.

— Ты спишь с Тоней?

Глава 2. Лера

— Лер, что за дурацкие вопросы? — Камиль резко поднимается, проводя ладонью по коротким волосам. Он нервничает. Это видно в каждом его движении, а ещё он избегает моего взгляда.

— Она буквально полчаса назад была здесь, Камиль, — мой голос звучит, словно из-под толщи воды. — Она не просто зашла чаю попить. Она сказала, что ты изменяешь мне...

— Ты прекрасно знаешь, как я к ней отношусь, — перебивает с раздражением, поворачивается и выходит в коридор.

Его реакция, его поведение мне не нравятся. Я вскакиваю со стула и следую за ним.

— Зачем ей врать?

Он подходит к вешалке, снимает с себя пальто и вешает его.

— Очевидно, решила нас поссорить.

— Зачем? — шепчу, чувствуя, как внутри всё сжимается в тугой узел.

Камиль устало вздыхает.

— Она не теряет надежды меня вернуть, — нехотя произносит он, поворачиваясь ко мне, стягивая пиджак с плеч.

— Вернуть? Вы раньше встречались?

Я впиваюсь взглядом в его лицо, ища там хоть намек на отрицание, хоть каплю искреннего возмущения, мол, «что за

бред ты несешь, Лера!». Мне так отчаянно этого не хватает. Но его лицо не выдаёт ни малейшей эмоции, подтверждая ранее сказанное.

— Встречались, — сама себе отвечаю на вопрос.

— Ну как встречались... Была интрижка. Ничего серьезного, — хмыкает он, протягивая мне пиджак. На автомате я забираю его и прижимаю к груди.

Камиль обходит меня, щёлкает выключателем и заходит в ванную. Развернувшись на пятках, полностью распахиваю дверь и останавливаюсь в проёме.

— Вы спали?

Он не спешит с ответом. Расстёгивает манжеты, засучивает рукава до локтей.

— Лер, мы с тобой тогда даже не были женаты, — включает воду и начинает тщательно мыть руки.

Так просто. Словно в этом нет ничего такого.

Пиджак начинает выскальзывать из рук, ловлю его в последний момент. Разворачиваюсь, швыряю пиджак к вешалке. Он не долетает, приземляется на грязный коврик.

Плевать.

Он спал с ней. С моей лучшей подругой. В голове будто туман, сквозь него добираюсь до кухни и опускаюсь на стул.

— Что сегодня на ужин? — спрашивает Камиль как ни в чём не бывало, заходя на кухню. Подойдя к плите, он открывает крышку и заглядывает в кастрюлю. — Жаркое, — довольно тянет он. — Накормишь любимого мужа?

Не получив ответа, он оборачивается и смотрит на меня. А я сижу в шоке, не веря всему услышанному. Он так просто об этом сказал.

— Лер, не накручивай себя, — он хочет подойти ближе, но я машинально выставляю руки вперёд. — Я ведь говорил тебе: прекрати с ней всякое общение. Ты не слушала. Вот и результат. Ты сама впустила в наш дом эту стерву, а теперь ждешь от меня оправданий за её слова?

— Прекратить общение, чтобы я не узнала, что вы спите?

— Я не сплю с ней.

— Но спал. Пока мы с тобой встречались? И прекратил только после свадьбы? Или не прекратил?

Он проводит рукой по лицу. Его плечи опускаются. Он выглядит измотанным. Смотрит на меня, как на идиотку, которая ничего не понимает с первого раза. Не может понять простейшую вещь.

— Давай завтра всё обсудим, хорошо? Я устал как собака. На меня давят в бизнесе, дела валятся со всех сторон, и сейчас у меня нет ни сил, ни желания обсуждать эту ерунду. Проблем и так выше крыши.

Он делает шаг и целует меня в макушку. Затем выходит из кухни.

Для него это ерунда. Для него мои чувства проблема, которые можно отложить на завтра.

Тоня сказала правду. Может, не всю, может, исказила детали, чтобы ударить сильнее, но фундамент сомнений заложил.

жен.

Камиль обманывает меня? Пытается сгладить углы? Жалеет меня или просто защищается?

Слышу шум воды в ванной, потом скрип дивана. Камиль, даже не дождавшись, пока я приду, ложится спать. Как можно спать, когда рушится всё, что мы строили два года?

Я медленно убираю миску с остатками салата и кастрюлю в холодильник.

Кому верить?

Подруге, которую я знала с детства?

Мужу, с которым я считала себя счастливой в идеальном, как мне казалось, браке?

Они годами меня обманывали и делали вид, что они были просто знакомыми.

Сажусь в угол дивана, поджимаю ноги к груди и смотрю на мужа. Камиль, обняв подушку, лежит на животе. Он спит.

С тяжелыми мыслями я проваливаюсь в тревожный сон.

Просыпаюсь с первыми лучами солнца с той же гнетущей пустотой. Кровать холодная. Я одна. Обнимаю подушку мужа и вдыхаю его такой родной запах, от которого всегда сходила с ума.

В квартире стоит мертвая тишина.

Камиль ушёл.

Суббота.

Девять утра.

Куда он мог сорваться так рано? В голове всплывает один-

единственный ответ, и от него начинается тошнить.

Вскакиваю с дивана и бегу в ванную. Включаю холодную воду и умываюсь. Становится легче, позывы прекращаются, но душевные терзания не уходят.

Мне нужно знать, где он.

Нахожу свой мобильный на кухонном столе. Дрожащими пальцами набираю его номер. Один гудок, второй... сброс. Звоню снова, до боли сжимая телефон. Опять сброс. И тут же приходит сообщение: «Не могу говорить. Позже перезвоню».

Коротко. Сухо. Даже оскорбительно.

Вот и всё, что мне нужно знать. Он никогда не удосуживался передо мной отчитываться. Жена должна верить безоговорочно, а если я не верит, значит создаю проблемы. Мои чувства не стоят даже пары минут разговора.

Может, в этом была моя ошибка? Я слишком верила. Слишком сильно любила.

Чёрт!

Гнев, который я сдерживала всю ночь, вырывается наружу. Хватаю чашку, стоящую на краю стола, и с размаху запускаю её в стену. Острые осколки разлетаются по кафелю.

Я запуталась!

Я не знаю, кому верить!

Я не знаю, что мне делать дальше!

Опускаюсь на пол, обхватив руками колени.

Вместо того чтобы остаться и поговорить, он ушёл. Оста-

вил меня в таком состоянии. Он не просто ушел — он сбежал.

Куда он поехал? К ней? Чтобы обсудить, как лучше «закзать» инцидент?

Боже...

Я закрываю лицо ладонями и даю волю слезам.

Рыдаю в голос, не стесняясь, не пытаюсь быть «понимающей женой». Мне больно. Мне страшно до дрожи оттого, что он меня разлюбил.

Я верила ему.

А он... а он... а он, наплевав на меня, просто ушёл. У него опять появились срочные дела. Важнее меня.

Камиль так и не перезвонил, а утром следующего дня ...

Глава 3. Лера

Утром следующего дня я вновь просыпаюсь одна. Камиль так и не вернулся. Вчера поздно вечером я не выдержала и позвонила ему — телефон был выключен.

На душе мерзко.

Тоскливое, разъедающее чувство предательства ноет под рёбрами, сверлит каждую нервную клеточку. Хочется кричать, но горло сдавливает спазм. Хочется плакать, но слёз больше нет, я опустошена.

Кое-как поднявшись с постели, плетусь в ванную. Встаю под тёплые струи, подставляя лицо под поток воды. В голове невольно всплывают картинки того, как мой муж изменяет мне с моей лучшей подругой.

Распахиваю веки. В глаза попадает вода и начинает щипать. Эта боль — ничто по сравнению с той, что терзает меня уже сутки. А самое невыносимое, что я до сих пор не знаю, кому верить.

Хочу верить мужу, но слова Тони не дают покоя. А то, как поступает Камиль, лишь заставляет в нём сомневаться.

Выключив воду, выхожу из душа и слышу, как мой телефон разрывается от звонков. На ходу оборачиваюсь в полотенце и бегу в комнату.

Дрожащими руками хватаю трубку. Надежда, что это Камиль, смывается, как вода из унитаза в канализацию, и об-

легчения не приносит.

На экране — «Мама».

— Алло.

— Дочь, — еле ворочает языком. — Почему перестала навещать?

— Много работы.

— Это, конечно, хорошо... но про родителей забывать нельзя.

— Деньги закончились? — перехожу к сути.

— Нам кушать нечего. Привезёшь денжат немного?

— Привезу продукты.

— Да мы сами купим, не хотим тебя утруждать.

— Вы их пропьёте. Так и не купив ничего.

— Честное слово, нет... — еле выговаривает она.

— Я вам больше не верю. Продукты привезу через два часа.

— Дочь, ну прикупи ещё бутылочку... мы с папой по рюмашечке перед ужином...

— Скоро буду, — сбрасываю звонок.

Плюхаюсь на диван, чувствую, как по щекам катятся слёзы. Родители пьют уже десять лет. Как так вышло — я до сих пор не понимаю. В четырнадцать лет, после неоднократных предупреждений опеки моим родителям, меня забрали в детдом. Я, конечно, старалась поддерживать порядок дома, но есть было нечего, так как родители всё пропивали. Соседи подкармливали, но, видимо, им это надоело, и они под-

твердили опеке, что родителям абсолютно на меня плевать. В детдоме я провела четыре года. Возвращаться в их однокомнатную квартиру я не хотела. Тогда мне Тоня помогла найти работу и снять комнату. Но родителей я так и не бросила. Просто не могу.

Высушив волосы, надеваю тёплый спортивный костюм, пуховик и утеплённые кроссовки. Натягиваю на голову шапку и, подхватив сумку, выхожу из квартиры.

Выскакиваю из подъезда и вижу машину Камиля. Он выходит, не замечая меня. Прижав телефон к уху, хмуро слушает собеседника. На нём светлые джинсы, свитер и куртка. Он ездил не в офис и даже не на объект. В таких случаях он всегда надевает строгий костюм. Босс должен всегда выглядеть строго. Лицо помятое, будто он не спал всю ночь. Логично. Дома же он не ночевал.

— Да, я скоро вернусь, не переживай. Сделаю всё, как договорились. С ней я сам поговорю. Всё, скоро буду.

Захлопнув дверцу, он спешит к подъезду, убирая телефон в карман. А я застываю на месте, пытаюсь переварить услышанное.

— Лера? — искренне удивляется муж. — Куда собралась?

— К родителям.

— Ясно.

— Поговорить хочешь?

— Позже. Поезжай к родителям, а мне надо по делам.

— Камиль, может, объяснишь...

— Потом, Лер, — перебивает он. — Я тороплюсь.

— Конечно, — фыркаю ядовито.

— Прошу, не начинай, я...

— Да-да, всё это я уже слышала. Ты устал как собака и бла-бла-бла...

— А ты вместо того чтобы ждать, мчишься к этим алкашам.

— Они мои родители!

— Так, — строго обрывает он. — Вечером поговорим. Сейчас мне некогда выслушивать...

— Да пошёл ты, — обхожу его и спешу к остановке.

Автобус приходит пустой. Сажусь у окна, уткнувшись лбом в холодное стекло. В голове стучит одна мысль: «С ней я сам поговорю». С кем, со мной? Кому ещё он мог это сказать? Тоне. И «сделаю всё, как договорились».

Подхожу к обшарпанной пятиэтажке, где живут родители. Рука сама тянется в карман к телефону — проверить, не звонил ли он. Не звонил.

Поднимаюсь по знакомым, воняющим сыростью лестницам. Стучу. Долго. Наконец со скрипом приоткрывается дверь, и в щели показывается осунувшееся лицо отца.

— О, Лерка... Заходи, — бормочет он, отступая назад.

Квартира в привычном, унылом беспорядке. Пустые бутылки на полу у дивана, на кухонном столе — крошки и кружка с мутным чаем. Ставлю на стол два тяжёлых пакета с продуктами. Достая оттуда пачку пельменей, хлеб, молоко.

Мать, сидящая у телевизора, оживляется.

— А... а для души ничего не прикупила?

— Бутылку сами купите, — огрызаюсь я.

— Неблагодарная, — ворчит она, заходя на кухню.

Прикрываю глаза, убирая все продукты в холодильник.

— Мы для тебя столько всего сделали, а ты для нас пожалела...

— Слушайте, у меня тоже с деньгами не густо, поэтому на это дерьмо тратьте свои, — обхожу её и устремляюсь к двери.

— У тебя муж богатый, а ты нам чекушку пожалела...

Дальше я не слышу, выхожу из квартиры и бегом спускаюсь по лестнице.

Выйдя на улицу, решаю прогуляться.

Голова гудит от этой бесконечной череды предательств. Муж, подруга, родители... Кажется, мир решил разом показать, что вокруг нет никого, на кого можно было бы опереться. А те, кто рядом, рано или поздно воткнут нож в спину.

— Лера, — внезапно доносится голос.

Поднимаю голову и вижу, как ко мне спешит Самир, друг Камиля.

— Привет. А ты что здесь делаешь? — растерянno спрашиваю я.

— Заезжал в торговый центр, — кивает за спину.

Перевожу взгляд и с изумлением замечаю, что почти дошла до нашего с Камилем дома.

— Подвезти? — улыбается он.

— Нет, — качаю головой. — Я гуляю.

— А где Камиль?

— По делам уехал, — уклончиво отвечаю.

— Странно... сегодня вроде Тоня должна была поехать на встречу с клиентом.

— Тоня?

— Да.

— Она у вас работает?

— Да. Ты не знала?

— Нет, — отвечаю растерянно. — Я вообще не знала, что она работает.

Очередная ложь. Ощущаю себя полной дурой, которая цепляется за тонкие ниточки надежды, что всему есть объяснение, но они проскальзывают между пальцами, не давая возможности хоть как-то ухватиться за них.

— Уже полгода. Ей работа нужна была, Камиль не смог отказать. Она же твоя подруга.

Она оказалась не подружкой, а самой настоящей ядовитой змеей.

И ещё в этой жизни я поняла, что если хочешь понять, говорит человек правду или нет, нужно неожиданно задать вопрос. Впервые же секунды его реакция сама честно на всё ответит.

Ловлю взгляд Самира и, пристально глядя в глаза, спрашиваю:

— Они любовники?

Глава 4. Лера

Взгляд Самир не отводит, но слегка приподнимает бровь. В его глазах любопытство.

— Не в курсе, — усмехается он. — С чего ты это взяла?

— Да так, — отмахиваюсь, делая шаг в сторону. — Просто показалось.

— Не пробовала спросить Камиля об этом? — Он преграждает мне путь.

— Так и сделаю, — натягиваю улыбку, чувствуя, как щёки предательски дрожат. — Ладно, мне пора.

Не попрощавшись, обхожу его и спешу к дому. Спиной чувствую его взгляд.

«И кто меня тянул за язык?»

Не могу больше об этом думать. Я же буду изводить себя до вечера, пока Камилль не приедет домой и мы не поговорим. Нужно себя чем-то отвлечь. Срочно, пока тихий ужас не перерос в панику.

Семеню по заснеженному тротуару вдоль нашего дома, раздумывая, чем таким заняться, чтобы вытеснить мысли о муже из головы. Генеральной уборкой? Нет, этого я точно не хочу делать. Приготовить ужин? Дома целая кастрюля никому не нужного жаркого. Камилль вчера даже не притронулся к нему. Шопинг? Смешно. Не могу себе этого позволить, да и какая радость тратить деньги, когда мой брак рушится.

Посмотрю-ка я тот самый скандинавский детектив, который мы с Камилем уже месяц откладываем «на потом», чтобы посмотреть вместе. «Потом» так и не наступило.

Подходя к подъезду, достаю из сумки ключи. Исполняя замечая движение — впереди, у обочины, плавно притормаживает знакомая черная иномарка Самира. Сердце делает нелепый кульбит, а горло сдавливают до боли.

Зачем он поехал за мной? Может, он позвонил Камилю? Может, они что-то обсудили, и теперь Самир знает то, чего не знаю я. Бред. Самир не станет выдавать Камиля.

Дверь машины открывается, и он выходит.

Я замираю, сжимая ключи в ладони так сильно, что чувствую, как холодный металл впивается в кожу.

— Что случилось?

— Ты была так расстроена, что я не мог просто уехать, — Самир подходит ко мне. — Вы с Камилем поругались?

— Нет, — качаю головой, тихонько выдыхая. «Эта ситуация точно меня сведёт с ума». Она уже сводит.

— Лер, я же вижу, что этот вопрос был не просто так. Что-то случилось? — он немного наклоняется, пытаясь поймать мой бегущий взгляд.

— Всё нормально, — повторяю, как мантру. Может, если повторять это достаточно часто, тогда и правда станет нормально?

— Чёрт! — вдруг восклицает Самир, часто-часто моргая.

— Что случилось? — искренне пугаюсь я, делая шаг впе-

рѐд.

— В глаз что-то попало, — сквозь зубы говорит он, пытаясь проморгаться.

— Давай посмотрю.

Обхватываю ладонями его щеки и приподнимаюсь на носочки, стараюсь разглядеть, что мешает ему в глазу. — Не шевелись... Где? Вроде не видно... Может, ресница попала.

В этот момент его руки ложатся мне на плечи: — Вроде всё. Спасибо.

Он медленно открывает глаз, смотрит прямо на меня.

— Да не за что, — отстраняюсь, делаю шаг назад, и в этот момент Самир резко, почти отдергивая, опускает руки.

— Лер, — говорит он тихо, но очень четко. — Если хочешь поговорить, я готов тебя выслушать.

— Это лишнее, — поправляю сумку на плече, отводя глаза к окнам нашей с Камилем квартиры.

— Ладно. Если что, звони. Помогу, чем смогу.

Он достаёт из внутреннего кармана пальто не корпоративную визитку с логотипом компании, а простой, строгий белый прямоугольник и протягивает мне. На ней только имя и личный номер телефона.

Машинально беру ее, лишь бы он отстал, лишь бы его слишком понимающий взгляд перестал меня сверлить.

— Хорошо.

— Пока, — говорит он на прощание и идёт к машине, не оглядываясь.

— Пока, — провожая его взглядом, пока он не садится за руль.

Он действительно думает, что я буду с ним обсуждать наши проблемы с Камилем?

Убрав визитку в карман куртки, захожу в подъезд.

В квартире тихо. Сначала иду на кухню, заставляя себя разогреть и съесть несколько ложек того самого жаркого.

Затем включаю телевизор, выбираю тот фильм, но уже через пятнадцать минут понимаю, что не могу сосредоточиться. Кадры мелькают, а мысли всё равно крутятся вокруг мужа. Выключаю телевизор и плююсь в черный экран.

И тут на экране телефона, лежащего на диване рядом со мной, вспыхивает уведомление. Одно. Потом почти сразу второе. Оба — от Тони.

Имя на дисплее действует как пощёчина. Дурное предчувствие вновь сковывает горло, а тело начинает бить дрожь. Ничего хорошего она точно не могла прислать. Но, я как истинная мазохистка, тянусь к телефону. Палец дрожит, сканер отпечатка не срабатывает с первого раза.

Наконец экран разблокировался. И тут же всплывает фотография. На ней Тоня, ее губы растянuty в победной, ядовитой улыбке. Она лежит на белых простынях, а рядом, вполоборота, лежит мой муж. По его лицу видно, что он мирно спит, а его рука лежит на ее талии. Фото сделано так, чтобы был виден и его профиль.

К фото идет приписка: «Не жди его сегодня».

Я не успеваю подумать, как приходит второе сообщение.

Тоня: «А это его подарок».

Тут же загружается вторая фотография: на её тонком запястье сверкают дорогие золотые часы.

Я: «Ты всё врёшь!»

Ответ приходит почти мгновенно, будто она ждала.

Тоня: «Он сказал, что купил их на отложенные деньги. Те самые, что копил на ремонт. Просто прими это».

Меня словно ошпарили кипятком и все внутренности скручивает от боли. С криком я отбрасываю телефон в сторону. Он с глухим стуком падает на ковер.

Ноги уже несут меня к шкафу. Я падаю на колени и с размаху открываю дверцу. Из нижней полки, я дрожащими руками вываливаю все коробки и папки. Нащупываю холодную металлическую поверхность и тащу металлический ящик к себе. Набираю код. Это дата нашей свадьбы. И открываю крышку.

И в этот момент мой мир рушится.

В сейфе пусто.

Глава 5. Лера

Собрав волю в кулак, убираю обратно на полку сейф и все документы. Потом поднимаю с пола телефон. Просматриваю список контактов и останавливаюсь на единственном имени, на которое могу рассчитывать. Единственного оставшегося друга. Нажимаю на вызов.

Сигналы шли долго, и я уже собиралась положить трубку, когда на другом конце наконец услышала хрипловатое:

— Алло.

— Вань, привет.

— Привет. Лер, что с голосом?

— Можно я у тебя поживу? Мне идти больше некуда.

Воцарилась короткая пауза.

— Что случилось?

— Я развожусь с Камилем.

— Я почему-то не удивлён, — хмыкает он. — За тобой приехать?

— Если не трудно. Не хочется ехать в общественном транспорте с чемоданом, — смахиваю со щёк слезы.

— Скоро буду.

— Спасибо, — шепчу я, но он уже положил трубку.

С Ваней мы подружились в детдоме. Мне было сложно отбиваться от нападков других детей, а Ваня всегда заступался за меня. В отличие от меня, он там вырос. Мать отказалась

от него при рождении. Своих родителей он не знал.

Собираю в чемодан свои немногочисленные вещи, застёгиваю молнию. Достаяю из шкафа спортивную сумку. На кухне беру пакеты и направляюсь в прихожую. Методично, один за другим, укладываю в пакеты туфли, ботинки, кроссовки, а затем — в сумку. Сверху кладу пальто и легкую куртку.

В этот момент раздался резкий, настойчивый звонок в дверь. Сердце ёкнуло, на миг мелькнула дикая мысль, что это вернулся он. Но нет. Открываю дверь, и в квартиру заходит Ваня. Он почти не изменился с тех пор, как я видела его пару месяцев назад: всё такой же широкоплечий, с модной стрижкой и спокойными, всё понимающими глазами.

— Камиль дома? — спрашивает он, бегло окидывая взглядом прихожую.

— Нет, — качаю головой.

— Иди сюда, — притягивает меня к себе и крепко обнимает.

Утыкаюсь лицом в его грудь. Почувствовав поддержку, я непроизвольно начинаю рыдать. Он успокаивающе гладит меня по голове, не задавая лишних вопросов.

— Прости, — отстраняюсь, шмыгая носом, а на его куртке остаётся мокрое пятно.

— Это все твои вещи? — кивает на сумку.

— Нет. В комнате ещё чемодан.

Кивнув, он проходит в комнату и выкатывает чемодан. Я обуюаю кроссовки, натягиваю пуховик. Ваня подхватывает

с пола сумку и выходит на лестничную площадку, оставив дверь открытой.

Я кладу связку ключей на комод. Беру рюкзак и захлопываю дверь. Негромкий, но отчётливый щелчок ригельного замка закрывает не просто дверь в квартиру. Он захлопывает наше прошлое, от которого у меня больше нет ключей.

Я устраиваюсь на пассажирском сиденье, пристёгиваюсь ремнём безопасности и прижимаю к животу рюкзак, словно спасательный круг, который поможет мне добраться до новой жизни. Без него.

— Что произошло? — спрашивает Ваня, выезжая из двора на проезжую часть. И я начинаю рассказывать. Немного сбивчиво, потом всё быстрее, выплёскивая всю обиду. Он слушает молча, внимательно следя за дорогой.

— Мне только одно не понятно, — медленно проговаривает он, когда я замолкаю. — Он с ней спал до того, как познакомился с тобой?

— Да.

— Может, это старая фотка?

— Нет, — сильно зажмуриваюсь, пытаюсь стереть из памяти кристально чёткое изображение. — На ней видно тату на его запястье. Которую мы сделали вместе спустя три месяца после того, как стали встречаться.

Вытягиваю руку и показываю свою. На запястье выбит знак бесконечности. У нас парное тату.

— Ясно.

— Вань, у меня пока нет возможности снять квартиру...

— Поживёшь у меня, — перебивает он мягко, но твёрдо.

— Гостевая комната в полном твоём распоряжении. Дома я бываю редко, поэтому мешать друг другу не будем. Сколько нужно, столько и живи.

— Спасибо.

Ваня один из редких везунчиков. В восемнадцать, как сирота, он получил от государства маленькую однокомнатную квартиру. Через год, проявив свою хватку, о которой я и не подозревала, он продал её, вложил все деньги в какой-то рискованный, полулегальный на тот момент бизнес с автозапчастями. И вытянул счастливый билет. Сейчас у него своя успешная фирма.

Мы подъезжаем к высокому, современному жилому комплексу в спальном районе. В лифте поднимаемся молча. Он помогает мне занести вещи в гостевую комнату, где стоит только одна двуспальная кровать.

— Шкаф я ещё не успел купить. Вешалку принесу завтра, — ставит чемодан у стены.

— Ничего страшного, — подхожу к панорамному окну и смотрю на город с высоты. — Красиво.

— В холодильнике есть еда, можно что-нибудь приготовить. Ванная в конце коридора, чистые полотенца в шкафу. В общем, не стесняйся, пользуйся всем.

— Спасибо.

— Я спать. Мне завтра рано на работу.

— Хорошо, — отвечаю, не отрывая взгляда от разноцветных огней города.

Ваня выходит, оставляя меня в тишине. Я опускаюсь на кровать и задумываюсь, что делать дальше. Но ничего дельного не приходит. Сложно сосредоточиться, когда в душе полный, раздирающий хаос.

Невыносимо. Голова невольно опускается, касаясь подбородком груди. И снова, уже в полной, гнетущей тишине чужой квартиры, меня накрывает волна слёз. Это когда-нибудь пройдёт?

Я всегда считала себя сильной. Той, что прошла детдом, научилась выживать, отвоевала себе место в этом мире, закончила университет, нашла работу, полюбила. Но сейчас я чувствую себя слабой и жалкой.

Как я уснула, не помню.

Просыпаюсь от настойчивого телефонного звонка. Сердце бешено заколотилось. Вскочив с постели, я села, дезориентированная, не понимая, где я. Я уснула прямо в одежде.

Звонок не прекращается.

Подхожу к рюкзаку, достаю телефон. Грудь сковывает неприятный спазм.

Камиль.

Он звонит снова и снова.

— Алло.

— Ты где?! — голос кажется обеспокоенным.

— Неважно.

— Что значит «неважно»? Я прихожу домой, а тебя нет.

— И больше не будет. Я облегчила тебе задачу и сама ушла.

— Лера, что за чушь ты несёшь?

— Хватит! Я всё знаю!

— Что ты знаешь?

— Что ты был у Тони.

— Я был с Маратом! Я же тебе говорил!

— Не говорил.

— Я был с Маратом.

— Не ври! Я знаю, что ты спишь с Тоней! Она прислала фото, где вы вдвоём лежите в кровати.

Молчание затянулось, лишь слышно его тяжёлое дыхание в трубку.

— Лер, это наверняка старое фото.

— На запястье видно тату.

— Сука... Лер, послушай. Я даже не помню, как это произошло. Я был пьян. Это был мальчишник у Марата. Мы с тобой тогда ещё даже не ... спали.

— И что? Мы встречались. Ты клялся мне в любви. Мы даже сделали парные тату. И то, что мы не спали, не давало тебе права трахать мою подругу!

— Да всё это ничего не значило! Хватит придирааться к ерунде.

— Для меня это не ерунда.

— Понятно. Как остынешь, возвращайся домой. Я устал

и хочу спать.

— Я не вернусь!

— Вернёшься. Тебе некуда идти, и у тебя никого нет, кроме меня.

Глава 6. Лера

В среду утром просыпаюсь раньше Вани. Готовлю завтрак на двоих. Съедаю свою порцию, выпиваю чай и иду собираться на работу.

Внутри абсолютная пустота — слёз больше не осталось, я выплакала их все за эти дни. Три дня я рыдала каждую свободную минуту, будто из меня вытекала последняя живая вода. Боль никуда не делась, она поселилась где-то под ребрами, тупая и ноющая, но я должна это пережить и двигаться дальше. Туда, где его больше нет.

Слова Камиля заставили меня задуматься. Он уверен, что я никуда не денусь. Решил, что ему всё дозволено. Что я буду молчать и ждать его дома, как послушная жёнушка, не имеющая своего мнения и слова. Он знал, что я другая. Но всё равно решил перевоспитать меня под свой нрав. Безусловно доверять ему.

Заправив блузку в строгие черные брюки, собираю волосы в высокий хвост. В зеркале на меня смотрит бледное лицо с красными глазами, даже пудра не может скрыть моё состояние. Беру сумку и выхожу в коридор, сталкиваясь с выходящим из своей спальни Ваней.

— Доброе утро.

— Доброе утро, — отвечает, зевая.

— Завтрак в сковородке.

— Ты не обязана готовить и на меня.

— Знаю. Я просто хочу тебя отблагодарить.

Надеваю ботинки, пуховик. Затем проверяю в сумке телефон, кошелёк и проездной.

— Вроде всё взяла. Я пошла.

— Если что, звони, — бросает он через плечо, направляясь в ванную.

Выхожу на улицу и пешком иду к метро. Надеюсь, что морозный воздух хоть немного освежит моё лицо и придаст ему румянца. Я была готова подстраиваться под его характер. Быть более покладистой. Ему никогда не нравилась моя дружба с Ваней, и я ради его спокойствия стала реже с ним общаться. Он ревновал. Я не хотела, чтобы его мучали какие-то сомнения. Сейчас понимаю, что это он мне не доверял. А я доверяла. И вот чем всё это закончилось.

Возможно, он жалеет, что так быстро принял решение на мне жениться. Связать себя узами брака и определёнными обязанностями, к которым не был готов.

На работе я автоматически здороваюсь с коллегами. Включаю компьютер и погружаюсь в проверку рабочих таблиц для расчёта заработной платы сотрудников. Работаю я, не прерываясь, чтобы не было и минутки на воспоминания о моей новой жизни. Без него.

— Лер, на обед пойдёшь? — спрашивает Оля, остановившись напротив моего стола.

— Я не хочу есть, — морщит нос.

— У тебя что-то случилось?

— Нет.

— Глаза припухшие и красные.

— От компьютера, — киваю на монитор.

Оля понимающе промолчала. Она не была тем человеком, который лезет в душу, но была очень наблюдательной. Не сказав больше ни слова, она тянется к своему столу, берёт пиалочку и ставит её рядом с моей клавиатурой.

— Говорят, полезно.

Я опускаю взгляд на разноцветные мармеладные мишки.

— Спасибо, — закидываю одну в рот. Сладкий вкус заполняет рот слюной. Хоть что-то вкусное и приятное.

Оля, улыбнувшись, выходит из кабинета. Я возвращаюсь к работе, закидывая мармеладки одну за другой, как будто они не конфеты, а маленькие порции энергии, необходимые для продолжения жизни.

Цифры и строки уже сливаются в одно пятно. Закрываю лицо ладонями, давая глазам отдохнуть. В тишине мысли выскальзывают из-под контроля и текут в опасном направлении — к фотографиям.

Становится дурно и мне кажется, что я сейчас потеряю сознание.

— Лера, тебя вызывает Александр Николаевич.

Голос Марии Вадимовны, нашего главного бухгалтера, звучит так неожиданно, что я вздрагиваю всем телом. Поднимаю голову. Она стоит рядом, скрестив руки на груди.

— Зачем?

Директор никогда не вызывал к себе обычного бухгалтера. Все вопросы шли через Марию Вадимовну.

— Мне тоже это интересно.

В её глазах читается настороженность. Любое вмешательство сверху в её отдел она воспринимает как угрозу ее занимаемой должности.

Сердце, и так еле перекачивающее кровь в эти дни, замирает, а потом начинает биться с новой силой. Я поднимаюсь из-за стола, ощущая, как ноги стали ватными, и направляюсь в дальний конец коридора, к массивной двери с табличкой «Директор». Дверь приоткрыта. Я стучу костяшками пальцев.

— Войдите.

Александр Николаевич сидит за массивным столом, изучая какие-то бумаги.

— Здравствуйте.

Он на мгновение отрывает взгляд от документов, кивает на стул напротив.

— Юсупова Валерия Андреевна.

— Да, — опускаюсь на край стула.

— Вы попали под сокращение штата, — говорит он ровно, без эмоций, не отрывая взгляда от документов.

В ушах зазвенело. Я не поняла. Вернее, поняла слова, но их смысл отказался укладываться в сознании.

— Что? — только и могу выдавить я.

— Вот документы, — он протягивает мне через стол лист бумаги.

Я беру документ дрожащими руками. Соглашение сторон. Требование написать заявление по собственному желанию. Отработать две недели. Получить три оклада в качестве компенсации.

В моей жизни явно началась чёрная полоса. Она не просто началась, она поглощает всё на своем пути — мужа, чувства, дом, а теперь и работу.

— Мария Вадимовна в курсе? — спрашиваю я, пытаюсь найти хоть какую-то логику.

— Нет, — он откладывает остальные документы.

Странно. Я ничего не понимаю. Как так?

— А если я откажусь от соглашения?

— Давайте не будем создавать друг другу проблемы. Подписывайте, — протягивает мне ручку.

— Я плохо работала? — не унимаюсь я, чувствуя, как меня разрывает от несправедливости.

— Насколько мне известно, Мария Вадимовна вас ценила.

— Тогда почему я?

— Валерия, это не моя инициатива. Больше я вам сказать ничего не могу.

— Но...

— Если вы не подпишете, мне придётся вас уволить по статье.

Если это не его инициатива, значит, его кто-то заставил это сделать.

— Кто?

— Ваша фамилия сама за всё говорит.

Глава 7. Лера

Выскакиваю из кабинета Александра Николаевича, хорошенько хлопаю дверью. Неужели так просто можно уволить человека по чьей-то прихоти?

Юсупов.

Не укладывается в голове: как низко должен был опуститься Камиль, чтобы так подло поступить со мной. Думает, я побегу к нему, униженно приползу, потому что осталась без работы? Он что, перепутал меня со своей любовницей?

Подлетаю к своему рабочему столу, рывком открываю ящик, достаю пакет и начинаю сгребать вещи.

— Лера, что случилось? — из соседнего кабинета появляется Мария Вадимовна.

— Меня сократили!

— Как?! — тут же разносится по кабинету.

— Это какая-то ошибка. Я сейчас всё выясню.

— Никакой ошибки нет, — останавливаю её.

— Лера, что происходит?

— Я вышла замуж за мудака, который самоутверждается за мой счёт.

В наступившей тишине слышны лишь приглушённые вздохи и перешёптывания.

— Я уйду на больничный. С сегодняшнего дня.

Хватаю сумку и выхожу из кабинета, не оглядываясь. По-

нимаю, что подставляю девочек и Марию Вадимовну, не передав дела, но мне так обидно, что сейчас плевать на всех.

До Ваниной квартиры добираюсь на автомате. Первым делом иду в его кабинет. Сажусь в кожаное кресло, открываю ноутбук. На сайте госуслуг заполняю заявление на развод. Детей нет. Общего имущества тоже. Значит, разведут быстро. Галочку о смене фамилии ставлю без колебаний. Я Дашевская. Прекрасная фамилия. Зачем я её сменила?

Захлопнув крышку ноутбука, чувствую странное облегчение. Выхожу из кабинета, направляюсь в свою комнату, как вдруг по квартире разносится громкий хлопок двери, а следом взволнованный голос Вани:

— Миш, это не случайность. Кто-то целенаправленно вставляет нам палки в колёса. Не могла же партия запчастей бесследно испариться после таможни.

Ваня, заметив меня, на миг замирает, но тут же продолжает говорить, проходя мимо меня в кабинет.

— Нет. До сегодняшнего дня с логистикой проблем не было ни разу. Узнай, кто подсуетился...

Дверь в кабинет закрылась, приглушив его голос. А у меня в голове возникает догадка. Это точно не совпадение! Конечно! Камиль понял, кто мог меня приютить. И решил дожать!

Вот же урод. У меня просто нет больше слов. Как будто это другой человек, и я никогда не знала его.

— Нет, — шепчу в тишине коридора. — Нет, так не пой-

дёт. Я ему устрою.

Одеваюсь и вылетаю из квартиры, направляясь в офис Юсупова. Ладно, он пытается испортить мою жизнь. Но зачем трогать других? Зачем портить то, что другим стоило столько усилий?

Как низко.

На метро я добираюсь быстро. Попытки остыть, обдумать план, взять себя в руки разбиваются о бетонную стену кипящей ярости. Она клокочет внутри, горячая и слепая, выжигая все остальные эмоции.

Охраннику показываю паспорт. Он ухмыляется и пропускает без вопросов. Действительно, волшебная фамилия. Чего я раньше ей не пользовалась?

Поднимаюсь по лестнице на второй этаж. Уверенной походкой подхожу к кабинету, где за два прошедших года была всего лишь однажды.

— Раздевайся, Тоня, — из-за приоткрытой двери доносится властный голос Камиля.

Ноги будто прирастают к полу, отказываясь идти, а тело качается, как напольная груша, по которой ударили.

— Прямо здесь? — томно тянет бывшая подруга.

— Прямо здесь и сейчас. На этом столе.

— Хорошо...

Слышу лёгкий шорох ткани. Я закрываю глаза, пытаюсь заглушить тошнотворную волну гнева и унижения.

— Бельё тоже снимай, — жёстко бросает он.

— Как скажешь, Камиль.

Это уже слишком. Разворачиваюсь, чтобы уйти. Но в последний миг, когда пальцы уже сжимают перила лестницы, во мне что-то щёлкает. Нет. Не сбегу. Нужно поставить во всём жирную точку.

Быстро перебираю ногами, резко распахиваю дверь кабинета и залетаю с гордо поднятой головой и холодной усмешкой на губах.

Камиль полулежит в своём массивном кожаном кресле. Его рубашка расстёгнута так, что обнажает гладкую загорелую кожу. В руке телефон. На его лице мелькает растерянность, но он быстро берёт себя в руки, пряча её за усмешкой.

Тоня стоит посреди кабинета, спиной ко мне. Её платье уже лежит на полу.

— Бельё пока не снимай. Не хочу видеть твои отвисшие сиськи, похожие на щёки шарпея, — бросаю ей.

Она резко оборачивается. На её лице ядовитая улыбка. Ничего не сказав, она подхватывает с пола платье и выбегает из кабинета.

— Далеко не уходи! Скоро продолжите, — кричу ей вдогонку.

Но она уже исчезает за дверью. Я перевожу взгляд на мужа. Бывшего мужа.

— Оставь в покое бизнес Вани, — перехожу к делу, еле сдерживая дрожь в голосе.

Камиль прищуривается.

— А что такое? Боишься, что и с ним просчитаешься?

— Что?!

— Пока у меня были деньги, я тебя устраивал. Как только возникли проблемы, ты нашла причину уйти от меня.

— Ты совсем с катушек съехал?

— Хватит прикидываться душой, Лер.

— Это я сейчас застала тебя с любовницей, а ты пытаешься меня в чём-то обвинить? Как же ты мне противен. Ненавижу тебя.

— А кого ты вообще любила, кроме толстых кошельков? Твоя подруга хотя бы не скрывает этого. А ты как лицемерка притворяешься невинностью, — с отвращением произносит он.

И вот оно очередное чувство несправедливости, взрывающееся изнутри. Оправдываться бессмысленно. Если человек уже всё решил, его не переубедить.

— Что, замолчала?

Он ждёт, что я буду оправдываться? Не дождётся.

— Что ты хочешь услышать? Что я сама попросила подругу свести меня с обеспеченным мужчиной? Конечно! Мне нужно было вырваться из нищеты. Ты тогда оказался идеальным вариантом. Мы поженились, но внезапно ты решил доказать своей семье, что сможешь добиться всего сам. Оставшись ни с чем! И я, как дура, два года ждала, когда же мой муженёк начнёт достойно зарабатывать. Не дождалась. Тогда я решила обвинить тебя в измене, чтобы уйти к другому

мужику, который сможет меня содержать...

— Сука! — он швыряет телефон в стену.

Я дёргаюсь не от грохота, а от его звериного рыка. Но внутри меня клокочет такая жгучая обида, что мне плевать, что он поверил всем моим словам. Я хочу, чтобы ему было больно так же, как и мне.

— Я сегодня подала документы на развод!

— Отлично! Проваливай из моей жизни!

Глава 8. Лера

Всю дорогу до дома я ощущаю себя плотиной, которая сдерживает поток слёз. Сжимаю зубы до скрежета. Впиваюсь ногтями в ладони до боли. Лишь бы не разрыдаться на глазах прохожих.

Переступаю порог квартиры, захлопываю дверь и сползаю по ней вниз. Тут плотина даёт трещину, и слёзы прорываются с такой силой, что кажется, будто грудную клетку разрывает пополам, обнажая окровавленное, бьющееся в истерике сердце.

Прикусываю костяшки пальцев, чтобы остановить вопль, который рвётся из горла.

Я думала, что за эти дни мне удалось хоть немного смириться с правдой. Но стоило увидеть их, меня накрыло с новой силой. Больно так, как будто кто-то разрывает меня на кусочки, оставляя лишь пустую и ноющую рану.

— Лера! Лера, ты меня слышишь?!

Сквозь оглушительный шум в ушах пробивается голос Вани. Он хватает меня за плечи и трясёт.

— Лер! Посмотри на меня! Что опять случилось? Говори!

С огромным усилием я поднимаю глаза. Передо мной плывут контуры Ваниного лица. Я пытаюсь ответить, открываю рот, но вместо слов вырывается лишь прерывистый, жалкий звук. Горло сжимает невидимой удавкой, челюсть дро-

жит, сбивая дыхание. Я заикаюсь на первом же слоге, и новая волна истерики накрывает с новой силой.

— Пойдём.

Он подхватывает меня под руки, легко поднимает с пола, будто я безвольная кукла. Одним резким движением стягивает с меня пуховик. Затем берёт меня за руку и, не церемонясь, ведёт в гостиную. Усаживает на диван и куда-то уходит.

Я судорожно вдыхаю, пытаюсь сделать хотя бы пару более-менее ровных вдохов. Второй вдох. Третий. Но стоит мне остановиться, как истерика вновь накрывает.

Ваня возвращается со стаканом воды и протягивает его мне. Я послушно беру. Выпиваю залпом. Становится чуть легче. Надолго ли?

— Это Камиль виноват, что у тебя проблемы на работе, — хриплю я, не глядя на него.

— Ты была у него? — присаживается рядом со мной и сверлит взглядом мой профиль.

— Да, — зажмуриваюсь, пытаюсь стереть с сетчатки глаз картину, которая выжжена там намертво: его кабинет, он и ... она. — И я застала его с Тоней.

— Пиздец! Нахрена ты туда пошла?

— Чтобы он оставил тебя в покое.

— В смысле?

— Меня уволили с работы, Вань. Намекнули, что это по просьбе Юсупова. Потом я услышала твой разговор и поехала к нему.

— Охренеть, — Ваня откидывается на спинку дивана, его лицо становится каменным.

— Когда я пришла к нему, он не отрицал.

— Ясно. Что ещё произошло?

Рассказываю всё как было. Скомкано, сбивчиво, но сказала.

— То есть он теперь думает, что ты со мной? — переспрашивает Ваня, в изумлении глядя на меня.

— Наверное, — пожимаю плечами. — Он счёл меня меркантильной тварью.

— Зачем ты вообще ему это сказала?

— Я не знаю! Мне было обидно и очень больно!

— Больно ей было. И вместо того чтобы просто уйти, решила окунуть себя с головой в то самое дерьмо, которое он сам тебе и подсунил. Блестящее решение.

— Я не хотела.

— Не хотела она, — передразнивает. — Он теперь не успокоится, пока не разорит меня.

— Прости. Я съеду, — закрываю лицо ладонями.

— Да, думаю, так будет лучше. Я не могу рисковать.

— Понимаю.

— Но я тебе помогу. На первое время дам денег и помогу с работой. У меня есть знакомые, которым нужен бухгалтер.

— Правда? — медленно опускаю руки.

— Да.

— Спасибо, Вань.

— Завтра снимем тебе квартиру, но зарегистрируем договор на мою знакомую. Работать тоже будешь по договору. Если ты исчезнешь с радаров, он быстрее успокоится. А когда поймёт, что ты не со мной, оставит мой бизнес в покое.

— Прости.

— Прорвёмся. Не переживай.

Месяц спустя

Выхожу из съёмной квартиры и выбегаю на улицу. Стараюсь не поскользнуться на обледеневшем тротуаре, семеню к автобусной остановке, не чувствуя ног.

В голове только одна мысль: нужно доехать, нужно сделать это, нужно пережить этот день.

В вагоне метро делаю дыхательную гимнастику, чтобы не развернуться и не поехать обратно домой. Она помогает.

Подхожу к белому зданию, на котором выделяются большие золотые буквы: «Дворец бракосочетания». Два года назад я стояла на этом же месте и думала, что я самая счастливая. Сегодня я пришла сюда, чтобы забыть об этом, как о страшном сне.

По широкой лестнице поднимаюсь на второй этаж, сердце ухает в пятки, словно пытается убежать. Каждый шаг тяжелее предыдущего. В конце коридора, у высокого окна, стоит он.

Камиль. Он разговаривает по телефону, и даже его про-

филь, силуэт вполоборота, говорит о холодной уверенности. Выглядит он, как всегда, отлично — чёрное пальто, под ним тёмно-синий строгий костюм и белая рубашка.

Когда он опускает телефон и поднимает на меня свои миндалевидные голубые глаза, время останавливается. Его глаза — это мощный магнит, который завораживающе притягивает и заставляет утонуть с головой. И я забыла, чтобы не попасться в эту ловушку, нельзя смотреть ему прямо в глаза.

Он медленно опускает взгляд, сканирует меня, оценивает мой внешний вид. Губы дёргаются в нескрываемой усмешке. Не понимаю, что его так развеселило? Ничего нового на мне не надето, всё тот же пуховик, джинсы и ботинки.

— Юсуповы? — из кабинета выходит женщина.

— Да, — отвечает Камиль и проходит в кабинет, не дожидаясь меня.

Я захожу следом, стягиваю с головы вязаную шапку.

— Подпишите здесь и здесь, — женщина указывает ручкой на документ, лежащий на столе. Кладёт ручку рядом и ждёт.

Камиль не шевелится. Даёт мне возможность сделать это первой.

Решительно подхожу к столу. Рука дрожит, но беру ручку и ставлю подпись.

— Это ваш экземпляр, — женщина протягивает мне один лист.

— Спасибо, — убираю его в сумку. Потом выбегаю из ка-

бинета, не оглядываясь.

На улице холодный воздух ударяет в лицо, и я делаю су-
дорожный, глубокий вдох.

Вот и всё.

Старая фамилия и новая жизнь.

— Что-то ты не очень хорошо выглядишь, — внезапно
рядом раздаётся тихий, глубокий голос.

Я поворачиваюсь. Камиль стоит рядом, прикуривая сига-
рету. Он смотрит вдаль, на проезжающие мимо машины.

Он опять начал курить?

— Смирнов тебе даже шмоток не прикупил? — произно-
сит он, не глядя на меня, выпуская дым в холодный воздух.

— Он мне никто, чтобы их покупать. И оставь Ваню в по-
кое!

— Я его и не трогал, — делает новую затяжку, медленно
выпуская дым, поворачивается ко мне и почти презрительно
говорит: — Мне на вас плевать. Он потом сам поймёт, с кем
связался.

— Врать ты всегда искусно умел. Так что езжай к своей
любовнице и ей вешай лапшу на уши.

— Как раз собираюсь, — он делает глубокую затяжку и
бросает взгляд на наручные часы. — У нас самолёт через
три часа. Собираемся на Мальдивы праздновать мой развод,
— подмигнув, выбрасывает окурок и направляется к своей
машине.

Я не двигаюсь. Не знаю, как ещё не упала от такого точ-

ного попадания в сердце, но чувствую, что душа потихоньку меня покидает, оставляя лишь холодное, пустое тело. Мальдивы. Моя мечта, которую он обещал когда-то исполнить.

Пробуксовка шин, рёв двигателя приводят меня в чувство.

Я, не спеша, словно в коматозе, добираюсь до дома.

Открываю дверь, переступаю порог квартиры. Раздеваюсь и иду в ванную мыть руки. Руки холодные, почти ледяные. Я мою их под теплой водой, пытаюсь согреть их и свою душу. Но последнее не получается.

Достаю из шкафа чистое полотенце и замираю, глядя на пачку тампонов, лежащую на полке.

Какое сегодня число?

Выхожу из ванной, подхожу к вешалке, где висит моя сумка. Достаю телефон и открываю календарь. Листаю месяцы, глаза бегают по цифрам.

— Нет, — шепчу я, не видя пометок. — Два месяца назад? Как я могла забыть? Это какая-то ошибка.

Быстро, почти на автомате, я обуваю ботинки, накидываю пуховик и выбегаю из дома. Почти долетаю до аптеки, запыхавшись, не чувствуя холода, не чувствуя ничего.

Покупаю пять тестов. Пять, потому что один мог быть ошибкой, два могли соврать, но пять — это будет правдой.

Возвращаюсь домой.

Проделываю со всеми тестами всё, как написано в инструкции. Кладу их на стиральную машину.

Сама сажусь на край ванны, гипнотизируя результат. Минуты тянутся как часы. Часы, которые в любую секунду могут изменить мою жизнь.

Так и происходит.

На всех тестах две полоски.

Как мне теперь начинать новую жизнь, если старая не отпускает? Она не отпускала меня — в виде воспоминаний и боли, а теперь ещё и в виде реального, физического присутствия, того, что теперь растёт внутри меня.

Глава 9. Камиль

Три года спустя.

Припарковавшись у ресторана, достаю сигарету и прикуриваю. Затяжка долгая и обжигающая, она помогает заглушить нарастающее раздражение.

Набираю номер начальника службы безопасности. Слушая гудки, медленно выпускаю струю дыма, наблюдая, как она разбивается о лобовое стекло.

— Камиль Айдарович, слушаю.

— Валер, у нас проблема. Кто-то сливает Шастину информацию по договорам, которые мы переводим к себе из компании Вершинина.

— Нужно проверить договорной отдел.

— Проверь, — в голосе проскальзывает металл. — И подготовь мне списки всех, кто устроился к нам за последний год.

— Вы всех знаете лично.

— Знаю только руководящий состав. За них я ручаюсь лично. Никто из них не станет рисковать должностью и зарплатой, — говорю с холодной уверенностью. — Мне интересны мелкие сошки. Вот их могли купить.

— Понял.

— Сделай всё тихо. Не спугни крысу.

— Хорошо.

— К завтрашнему утру постарайся собрать всю информацию.

— Будет сделано.

Убираю телефон во внутренний карман пиджака, мысленно препарируя крысу, которая гадит в моей компании. Тушу окурки в пепельнице, глушу двигатель и выхожу из машины.

Направляясь к парадному входу ресторана, приподнимаю воротник пальто, прячась от морозного ветра. Ненавижу зиму.

В ресторане хостесс улыбаясь, забирает у меня пальто и провожает к столику. Все работники прекрасно знают, кто я и чей это ресторан, поэтому не задают лишних вопросов.

За столиком у панорамного окна меня уже ждут.

— Сынок! — мама грациозно поднимается с кресла.

— Привет, — наклоняюсь, позволяя ей поцеловать меня в щёку.

— Я так рада, что ты пришёл.

Она обратно опускается в кресло, складывает на столе руки в замок и ждёт, пока я займу место напротив, чтобы начать допрос.

Выглядит она, как всегда, безупречно: строгий бардовый брючный костюм, идеальная причёска, макияж. Бриллианты в ушах, массивные кольца на пальцах. Всё кричит о достатке.

— Как у тебя дела? — начинает она ради приличия.

— Всё хорошо. Ты как?

— Отец последнее время мучается с давлением, — с тяжёлым вздохом начинает свою заезженную пластинку.

— Бывает, — откидываюсь на спинку, взгляд устремляю в окно. Опять. Всегда и только о нём.

— Камиль, может, вы уже поговорите.

— Зачем? — возвращаю взгляд к ней. — Чтобы в тысячный раз услышать, что я неблагодарный сын, променявший семью на шлюху?

— Это всё в прошлом, — она нервно поправляет несуществующую прядь. — Ты одумался. Уже три года как развёлся с ней.

— Ты хочешь, чтобы я приполз к нему, признал свою ошибку и его правоту?

— Но мы же в итоге оказались правы, — она слегка вздергивает подбородок.

Усталость накатывает неожиданно. Сжимаю переносицу двумя пальцами, пытаюсь остановить начинающуюся головную боль. Даже если это и так, я не собираюсь ползти к отцу, который решил меня проучить лишь из-за того, что я его послушался.

— Камиль, помнишь Рамилю?

— Дочь Валиева? — в памяти всплывает смутный образ.

— Да!

— Помню.

Они тогда хотели, чтобы мы обручились. И я почти согласился, но встретил другую. Ту, которую оставил в прошлом и

за семью замками. Ту, чьё имя теперь даже не хочется вспоминать.

— Она вернулась из-за границы. Такая красавица выросла!

— Мам, хватит уже меня со всеми сводить, — наклоняюсь вперёд, кладу руки на стол, пытаюсь до неё достучаться.

— Камиль, — её рука накрывает мою. — Тебе нужна семья. Дети. Просто встретиться с ней. Уверена, она тебе понравится. Может, что-то получится.

Семья. Дети. Я и забыл уже, когда последний раз об этом думал. Раньше я хотел этого, но сейчас, даже не знаю. Временные пассии уже надоели, кроме быстрой разрядки они ничего не дают. Нет того удовольствия, от которого сносит крышу.

Рамиля... Тихая, скромная, но во взгляде огонь полыхал. Интересно, что сейчас в этих карих глазах?

— Ладно.

— Сейчас скину тебе её номер, — чуть ли не подпрыгивает в кресле от восторга. Лицо озаряется победной улыбкой, пока она лихорадочно листает контакты в телефоне.

Телефон в кармане вибрирует, сообщение пришло. Встреча окончена. Поднимаюсь.

— Мне пора.

— Может, завтра заедешь на ужин? Все будут рады тебя видеть.

— Все? — приподнимаю бровь.

— Думаю, да, — улыбается, намекая на то, что отец будет рад, что я согласился встретиться с Валиевой.

— В следующий раз, — целую её в щёку и ухожу, не оглядываясь.

Выйдя на улицу, прикуриваю сигарету. Пока иду к машине, вынимаю из кармана телефон и сохраняю номер. Подойдя к водительской двери, пальцы сами нажимают на номер. Зачем тянуть?

— Алло, — доносится до моих ушей тихий, но настороженный голос.

— Привет.

— Здравствуйте, — отвечает, выдерживая формальность.

— Рамиля, это Камиль Юсупов.

— Неожиданно, — в голосе слышны ликующие нотки.

— Поужинаем? — сразу перехожу к сути, без прелюдий. Хотя обычно я сразу тащу в койку, поэтому ужин и будет прелюдией.

— Даже не знаю.

Губы сами тянутся вверх. Решила поиграть в недотрогу. Но легкая взволнованность выдаёт её с головой. Она хочет. Это так очевидно, что даже вызывает интерес.

— Скинь адрес. Заеду за тобой в семь.

— Ладно, — наигранно выдыхает она.

— До встречи.

— Пока.

Бросаю взгляд на наручные часы, оценивая запас време-

ни. Пять часов. Достаточно, чтобы перезагрузиться.

Добравшись до дома, поднимаюсь в свой пентхаус. Скидываю пальто, ботинки, оставив их валяться на паркете. Прохожу мимо пустой гостиной в спальню. Два года живу здесь, но всё никак не могу обустроиться. Нахрена я купил такую большую квартиру?

Скидываю всю одежду, закрываю окно плотными шторами и заваливаюсь на кровать, обнимая подушку. Может, сейчас получится хоть немного поспать.

Удаётся подремать пару часиков. А после контрастного душа варю кофе и открываю сообщение с адресом. Новостройка в престижном районе. Недалеко. Значит, живет одна, не с родителями. Отлично. Самостоятельная. Или просто хочет казаться таковой. В любом случае — плюс.

Выбираю белоснежную рубашку, запонки и надеваю черный костюм и удавку. Терпеть не могу галстуки, но сегодня я должен произвести хорошее впечатление. Такие как она не ведутся на нули в моих счетах, им нужен полный комплект.

За рулем машины отправляю лаконичное «Выехал». Время в дороге пролетело быстро, мысли по инерции возвращались к крысе, но я гоню их прочь. Не сегодня. Сегодня у меня другие планы.

Добравшись до нужного адреса, выхожу из машины и прикуриваю сигарету. Делая затяжки, гипнотизирую взглядом подъездную дверь.

Долго ждать не приходится. Дверь распахивается, и из неё

выходит шикарная, длинноногая брюнетка в чёрном вечернем платье и коротком полушубке.

— Привет, — она останавливается напротив. Сдержанно улыбается.

— Привет. Отлично выглядишь, — и это не просто любезность. Она и правда выглядела эффектно.

— Спасибо, — засмущавшись, опускает взгляд.

Это будет интересно.

Распахиваю дверь и помогаю ей сесть в машину. Потом обхожу капот, чувствуя на себе её взгляд.

— Какую кухню предпочитаешь? — спрашиваю, вырубивая на дорогу.

— Я не привередлива.

— Отлично. Тогда на мой вкус.

Молча добираемся до ресторана. О чем, черт возьми, с ней говорить? Отвык я от такого.

Разместившись за столиком у окна, понимаю, что молчание затянулось. Обычно у девушек рты не закрываются, а эта молчит как рыба. Приходится начинать мне.

— Ты какое-то время жила за границей?

— Да. Училась, — отвечает, изучая меню.

— Насовсем вернулась?

— Пока не знаю.

— Отчего это зависит?

— Ещё не решила, — захлопывает меню и поднимает взгляд на меня. — Тебя мама заставила пригласить меня на

ужин?

Вопрос был выстрелом в упор. Я невольно усмехаюсь.

— Нет. Поверь, никто не может меня заставить делать то, чего я не хочу.

Подходит официант, дав мне небольшую передышку. Но едва он отходит, она возвращается к допросу.

— Ты развёлся?

— Три года назад.

— Почему?

Вопрос ударил под дых, застал врасплох. В горле комом встала знакомая горечь и ярость. Не с ней. Не сейчас. Не с кем-либо.

— Не сложилось.

— По чьей вине?

— Это уже не важно.

— А мне важно, — наклоняется чуть вперёд. — Я хочу знать всё про того, на ком хотят меня женить мои родители.

Я не сдерживаюсь и смеюсь. Всё это было ожидаемо, но такой прямолинейности я от неё не ждал.

— А ты сама хочешь этого? — парирую я.

— Хоть завтра, — отвечает без колебаний. — Если успеешь за ужином немного о себе рассказать, и я пойму, что ты мне подходишь.

Смотрю на это красивое личико, дерзкий взгляд. Охреневаю. С ней точно не соскучишься.

— Даже в постели не протестируешь? — выпалил я, про-

веря границы.

Щеки ее вспыхивают ярким румянцем, но взгляд не опускает. Напротив, в нем мелькает вызов.

— Да ладно. Девственница? — продолжаю я, уже почти наслаждаясь этой игрой.

— А если нет? Не женишься? — парирует она.

— Мне не принципиально.

Она качает головой, о чём-то задумавшись. Надо притормозить.

— Наш разговор немного не туда свернул.

— Верно, — соглашается она. — И всё из-за наших родителей. Мы и сами не заметили, как начали обсуждать наш брак.

— Точно.

— Расскажи, чем занимаешься? Что у тебя за бизнес? — меняет она тему.

Быстро переключается. Умная. Гибкая. Надеюсь, в прямом и переносном смысле. Думаю, мы с ней поладим.

Остаток ужина говорим о работе, путешествиях. Она умная, начитанная, умеет слушать. Редкость.

Отвожу её домой и прикусываю язык, чтобы не сорвалось банальное «Может, продолжим у тебя?». Не так.

— Ещё увидимся? — спрашиваю, поворачиваясь к ней.

— Думаю, да, — улыбается.

— Завтра?

— Хорошо. Только завтра я сама приготовлю ужин.

— Отлично, — улыбаюсь своей обворожительной улыбкой. Ожидаемо, она на ней зависает.

Пользуясь моментом, я обхватываю её затылок и целую. Она не шевелится, но затем отвечает на поцелуй, и я сразу отстраняюсь. Будем заманивать.

— До завтра.

— Пока, — она выбирается из машины и, виляя бедрами, семенит к подъезду.

Поправив член в штанах, неосознанно вытираю губы тыльной стороной руки. Три года не целовался. Сразу отмечаю ненужные воспоминания. Затем взгляд падает на телефон, лежащий на приборной панели. На экран новое уведомлением от Валеры.

Прикурив сигарету, открываю почту. Во вложение несколько файлов с досье. Первые три пролистываю почти машинально: ничего, что вызывало бы подозрение.

А на четвертом — останавливаюсь. Бросив недокуренную сигарету в окно, выпрямляюсь и резким движением увеличиваю фото на экране. Воздух словно вышибает из легких.

— Этого не может быть.

На меня смотрит блондинка. С такими знакомыми зелёными глазами, что мне начинает казаться, будто я сошёл с ума.

Взгляд скользит ниже, к строчкам под фото: Дашевская Валерия Андреевна. Помощник бухгалтера.

— Сука!

Это точно не совпадение.

Глава 10. Лера

Открываю глаза под тихий сигнал будильника. За окном ещё темно. Поворачиваю голову к кровати у противоположной стены. Сынок спит. А мне пора вставать. Приготовить завтрак и собраться на работу.

С открытой дверью в ванной быстро принимаю душ, прислушиваясь, не проснулся ли Ильяс. Тихо. Смываю пену, обматываю полотенцем мокрые волосы и надеваю хлопковый халат.

На кухне первым делом готовлю сырники. Варю в турке кофе.

Делаю первый глоток кофе с молоком и слышу, как сынок ворочается в кровати. Ставлю чашку на стол и бегу к нему.

Он не плачет, не зовет — он занят важным делом. Закинув ножку на бортик кровати, он пытается перелезть через него, весь сосредоточенный на этом занятии.

— Доброе утро.

— Мама, — он поднимает голову, и его лицо озаряется улыбкой. Оставив свою затею, он тянет ко мне ручки.

Взяв его на руки, целую в щёчку и люблюсь сонным личиком.

— Давай переоденемся, — снимаю с него пижаму, достаю из комода брюки и футболку с машинками.

Переодев сына, провожу по его тёмным кудряшкам. Они

такие упругие, непослушные, как его характер. Ильяс — моя жизнь, моё счастье. Ради него я готова на всё.

— Пойдём завтракать, — подхватываю его, и он обвивает мою шею руками.

Усадив его на стульчик, ставлю перед ним тарелку с двумя сырниками и чашку с чаем. Он сразу накаливает один сырник на детскую вилку и откусывает.

Сама сажусь за стол, придвинув его стульчик ближе к себе. Мы завтракаем всегда вместе, это наш семейный ритуал. Он с аппетитом, сосредоточенно съедает свой завтрак, выпивает чай, а я наблюдаю, попивая свой кофе, уже остывший, но все ещё нужный, чтобы взбодриться.

После чистим зубы. Вместе. Это тоже наш ритуал. Ставлю его на специальную ступеньку возле раковины, он тянется к своей щётке — яркой, с рисунком медвежонка. Я выдавливаю ему на щётку детскую пасту с запахом клубники. Он ждёт, серьёзно смотрит, пока я сделаю тоже самое со своей щёткой. Затем мы в унисон начинаем чистить зубы. Он повторяет за каждым моим движением: круговые движения, чистка передних, потом боковых.

Затем я собираю диван, расстилаю на полу игровой коврик с буквами и цифрами и включаю ему мультики. Он садится на коврик и сразу погружается в свои игрушки, лишь изредка поглядывая на экран телевизора. Пока он занят, я могу собраться.

Выпрямляю волосы феном. Делаю лёгкий макияж. Затем

надеваю белую блузку и юбку-карандаш.

По квартире раздаётся дверной звонок. Заправляю блузку в юбку, бросаю взгляд в зеркало и иду открывать.

— Доброе утро, Валерия Андреевна.

— Здравствуйте, Раиса Павловна.

Наша временная няня заходит в квартиру, как обычно, с самым строгим выражением лица. Я возвращаюсь в комнату к Ильяс, который уже переключился с разбора своих машинок на мультики.

— В таком возрасте вредно смотреть телевизор, — в комнату заходит Раиса Павловна и укоризненно смотрит на меня.

— Я знаю, — отвечаю, стараясь держать голос нейтральным. — Но по-другому мне не собраться на работу.

— Давайте я буду приезжать раньше.

— Не нужно, — говорю быстро, почти резко. — Мы справимся.

Ещё не хватало, чтобы она проводила с моим сыном больше времени, чем я.

— Ильяс позавтракал?

— Да.

Я присаживаюсь на корточки перед сыном, который сейчас занят строительством башни из кубиков. Целую его в макушку, вдыхая его запах.

— До вечера, мой хороший.

Затем иду в коридор, надеваю сапоги и удлинённый пухо-

вик.

— Сегодня обещали солнечную погоду. Можете сходить погулять.

— Я так и планировала, — отвечает Раиса Павловна, стоя в дверном проёме так, чтобы она могла видеть Ильяса и меня одновременно.

— В семь буду дома.

Проверяю в сумке проездной, кошелёк, ключи. Всё на своих местах.

— Ничего страшного, если даже и задержитесь.

Еле сдерживаюсь, чтобы не закатить глаза и не наругать. Она раздражает меня своими нравоучениями и намёками. Но я не могу её выгнать, не сейчас.

— Я ушла, — говорю коротко, выхожу из квартиры и закрываю дверь, не оглядываясь.

До метро иду пешком пятнадцать минут. Затем — метро, тридцать минут. Я стою, держась за поручень, и думаю только об одном: что сейчас делает Ильяс? Играет? Смотрит в окно? Слушает Раису Павловну? Никак не могу привыкнуть оставлять его с кем-то так на долго.

Выхожу на нужной станции у бизнес-центра.

Захожу в пустой кабинет. Ещё никого нет, до начала работы ещё двадцать минут. Я опускаюсь в кресло на своём рабочем месте и первым делом достаю телефон. Открываю приложение и смотрю на экран. Раиса Павловна сидит с Ильясом на коврикe. Они играют в машинки и строят башни из

кубиков. Он смеется, она говорит что-то. Мне хочется услышать ее слова, но приложение передает только изображение.

Раисе Павловне около шестидесяти лет. Она хорошо относится к Ильяссу. Но если бы не её надзор за нами, возможно, я бы ей доверяла больше. Но увы, я не в том положении, чтобы кому-то доверять, особенно своего сына.

В кабинет начинают заходить коллеги. Я включаю компьютер, монитор загорается стандартной заставкой.

— Лера, привет, — за соседний стол усаживается Настя.

— Привет.

— Ты уже кофе пила?

— Да, но не отказалась бы ещё от одной чашки.

— Тогда пошли.

Мы спускаемся в кафетерий на первом этаже. Пока стоим в очереди, Настя болтает без умолку, рассказывая, как она сходила на свидание.

— Мы в пятницу с девочками собираемся в клуб. Пойдём с нами.

— Я не могу, — отвечаю, забирая со стойки стаканчик кофе.

— Почему? Ты вроде не замужем. Можешь себе позволить расслабиться.

— Я хотела съездить к родителям, — вру, и мне становится немного стыдно. Она с первого дня относится ко мне хорошо, помогает влиться в коллектив, а я плачу ей ложью.

— Они живут в другом городе?

— Нет. В другом районе.

— Тогда не вижу проблемы. Можно в пятницу в клуб, а в субботу к родителям.

— Я обещала приехать именно в пятницу, так как в выходные у них другие планы.

— Понятно. Тогда в другой раз.

— Ага, — делаю глоток кофе, забиваясь в кабинке лифта в самый угол.

Выходя из лифта, опять открываю приложение. На этот раз они читают книжку. Раиса Павловна держит большую книгу с картинками, Ильяс сидит рядом и указывает на изображения. Я смотрю несколько секунд, потом закрываю приложение — мне нужно работать.

Дойдя до своего рабочего места, ставлю телефон у монитора, чтобы он был в поле зрения, но не мешал. Открываю рабочую программу и погружаюсь в отчёты.

— Дашевская Валерия Андреевна, кто? — голос резкий, властный.

Отрываю глаза от монитора и смотрю на мужчину в дверном проёме. Он не просто стоит — он заполняет его собой. Лицо хмурое, с четкими, почти геометрическими линиями. Осанка прямая — военная, даже если он не в форме. Его взгляд не сканирует комнату, он устремлён четко на меня.

— Я, — отвечаю еле слышно, не понимая, кто он такой.

— Пройдёмте.

— Куда? И Вы кто? — спрашиваю уже, чувствуя панику.

— Я начальник безопасности. У меня есть к вам несколько вопросов.

Глава 11. Лера

Иду по коридору, глядя на широкую спину мужчины. У меня такое чувство, будто меня ведут на расстрел. От неизвестности живот сжимается в тугий узел.

Мы заходим в лифт. Он встает рядом со мной, плечом к плечу, заполняя собой чуть ли не всю кабину. Я невольно прижимаюсь к поручню, стараясь сохранить хоть какие-то сантиметры личного пространства.

— Вы новый начальник безопасности? — начинаю я, чтобы хоть что-то узнать.

— Нет.

Он даже не поворачивается, смотрит прямо на створки лифта.

— Когда я была на собеседовании, был другой начальник, — осторожно продолжаю, косясь на его хмурое лицо. — Он уволился?

— Нет.

Хочется закатить глаза. Эта немногословность пугает. Лифт бесшумно ползёт вверх, и мне кажется, что бешеное биение моего сердца слышно даже ему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.